

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Там шёлка нет. Шелковичный узор
Вползает в тень стареющего дома.
Там в детстве я, как Гекльберри

с Томом,

Ведром сирени красила забор.

Там снится сон горячий вековой.
В нём русский дух летает над Луганью.
Река шахтёров стала иорданью,
Где крестится сегодня шар земной.

Где мергель стен давно уже разбит,
Там нет совсем ни серебра, ни злата.
Зато растут смородина и мята,
Зато компот с утра уже кипит.

Который день вдыхая зелень штор,
Кошачий царь лежит в тени вишнёвой.
И я иду по улице Садовой
Туда, где ждут и любят до сих пор.

ЗОНА АТУ

В ветках запутался мёртвый грач.
Перья его – зола.
Землю мою обошёл палач,
Сел во главе стола.

Яства готовы: вороний глаз,
Кости, трава полынь. –
Скучно и горько. А мой Донбасс
Пьёт молоко святынь.

Быстро, как птицы, взлетали ввысь
Брызги кусков стекла.
В старой духовке, не смазав лист,
Пекло земля пекла.

В печке горели среди всех зол
Мысли мои в дыму.
Новой метлою до ночи мёл
Ветер в моём доме.

Полуслепой, но, как Божий глас,
Ворон кричал в бреду,
Что на закате в родной Донбасс,
В землю его паду...

Роме

Ты был нежен, ты был тих и нелюдим.
Ах, зачем же этот город стал твоим?
В нём же нету даже звёздного ручья,
И земля сыра, и мельница ничья.

Ты был Солнцем, ты был
Господом храним.
Жаль, навеки этот город стал твоим.
Очень странно: улетаю на восток,
Ты прошёл сквозь золотой его песок.

И ни крылья, и ни струпья бедных лат
Не коснулись позолоченных палат.
Просто вышел, просто выдохнул и стих.
Видно, Ангел твой не смог
обнять двоих.

ГОСТИ

Кровать-скамейка. На ней рожали...
Древесный запах заполнил дом.
Скрипели двери, – войны скрижали
Писались тоненьким угольком.

Сходились гости. В руках – по стопке.
Спешили, видно, на огонёк.
С размаху Слово бросали в топку.
А на дощечке спал мотылёк.

Сражались мысли на поле битвы.
Пищали мыши на чердаке...
А к сердцу близко
Дрожал, как листик,
Листок с молитвою в левой руке.

Гремели кружки. Горели свечи.
Смеялись люди. Им невдомёк,
Что Божий Ангел достал из печки
С горячей кашею чугунок...

E-MAIL MAME

Кто летит на огненной колеснице
И снаряды топит в Лугань-реке?
Не дай Бог поймать такую синицу,
Чтобы взрывом выплакалась в руке.

Мимо дома!..
Не видеть бы пантомиму
Из театра рук, просящих еду.
Родные попали в беду.
А я мимо иду.
Мимо...
Мама!

Всё пишешь про худеющих котов.
Только не пишешь, КТО

Ходит ночами мимо.
Пусть не смотрит в окна нашего дома.
Мама, открывай только знакомым.
И будь Богом хранима!

Если Андрей реку закроет на замок,
Тот, на колеснице, пролетит мимо.
Зарево над Вергункой.

Мой брат Дима
На зиму хвороста приволок.

Не спишь, мама,
Взрывами белых ночей томима.
Спать не дают бесноватые
толпы уродцев.
Но молитвами Богородицы
И они пройдут мимо...

КАРУСЕЛЬ ТАВРИЧЕСКОГО САДА

Карусель Таврического сада,
Не тони в серебряном пруду.
Новый мастер всё ещё наладит.
Даже ослик будет на ходу.

Повезёт, и мы – за дверью рая,
У ворот в Таврическом саду.
А пока, пока я погуляю
У толпы безухой на виду.

Под мостом и жители Арада
Проплывут, как будто тут Арад.
Ну, а я один цветок из сада
Унесу, как много лет назад

В ночь несли великие поэты.
А потом для них плели венки...
Ослик мой, вези меня не к Лете,
А к весне по лезвию строки.